

Посвящается Сос

*Благодарю Кэтрин Хейман,
Клэр Александер, Кейт Шоу
и Дейва Коэна*

2

Было 7 минут после полуночи. Собака лежала на лужайке перед домом миссис Ширз. Глаза ее были закрыты. Она выглядела так, будто бы бежала лежа на боку, как бегают собаки, когда им снится, что они гонятся за кошкой. Но эта собака не бежала и не спала. Она была мертвая. Из тела собаки торчали садовые вилы. Зубья вил, должно быть, проткнули ее насквозь и еще глубоко ушли в землю, поскольку вилы стояли и не падали. Я решил, что эти-то вилы и убили собаку, потому что не видел на ней больше никаких ран. И я сомневался, что вилы воткнули в нее после смерти — смерти по какой-то иной причине, вроде болезни или дорожно-транспортной катастрофы. Однако я не был уверен в этом до конца.

Я прошел через калитку во двор миссис Ширз, шагнул на лужайку и опустился на колени перед собакой. Протянул руку и тронул собачью морду. Она была еще теплой.

Собаку звали Веллингтон. Она принадлежала миссис Ширз, с которой мы дружили. Она жила на противоположной стороне улицы, через два дома от нас.

Веллингтон был пуделем. Но не таким миниатюрным пуделем, которым делают всякие стрижки,

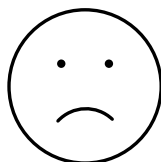
а крупным пуделем. У него была вьющаяся черная шерсть, но если подойти ближе, то можно было увидеть, что сквозь нее просвечивает кожа — бледно-желтая, как у цыпленка.

Я погладил Веллингтона и задумался, кто его убил и почему.

3

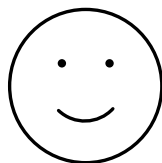
Меня самого зовут Кристофер Джон Френсис Бун. Я знаю все страны мира, и их столицы, и все простые числа до 7507.

Когда мы впервые встретились с Шивон, она показала мне вот такую картинку:

И я знал, что это означает печаль. То, что я почувствовал, когда обнаружил мертвую собаку.

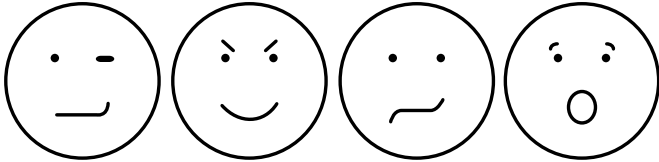
Потом она показала мне другую картинку. Вот эту:

И я понял, что это обозначает счастье. То, что я испытываю в те моменты, когда читаю о космических миссиях «Аполлона» или когда просыпаюсь

в три-четыре часа утра, выхожу на улицу и представляю, будто я единственный человек во Вселенной.

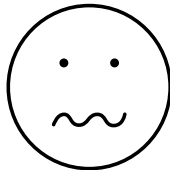
Потом она еще рисовала другие картинки:

Но я не могу сказать, что это значит.

Я однажды попросил Шивон нарисовать много таких лиц и потом приписать под каждым, что оно точно обозначает. Я носил эту бумажку в кармане и вынимал ее, когда не понимал, что же именно человек чувствует. Но было очень трудно решить, которая из схем больше подходит к его настроению, потому что на самом деле лица людей очень быстро изменяют выражение.

Когда я рассказал Шивон, что я это делаю, она взяла карандаш и еще один листок бумаги и сказала, что мои действия, скорее всего, заставляют людей чувствовать себя очень

А потом стала смеяться. Тогда я разорвал первый листок и выкинул его. А Шивон попросила прощения. И теперь, если я не могу понять, что человек имеет в виду, я уточняю у него самого или просто ухожу.

Я вытащил вилы из тела собаки, взял ее на руки и крепко обнял. Из дырок, оставленных вилами, еще сочилась кровь.

Я люблю собак. Всегда можно понять, о чем собака думает. У нее есть четыре настроения: счастливое, грустное, сердитое и сосредоточенное. И еще собаки преданные и никогда не лгут, потому что они не умеют говорить.

Я держал собаку 4 минуты, а потом послышался крик. Я поднял глаза и увидел миссис Ширз. Она бежала ко мне со стороны дома. На ней была надета пижама, а сверху халат. Ногти ее были выкрашены в ярко-розовый цвет, а на ногах не было никакой обуви.

Она кричала:

— Черт побери! Что ты сделал с собакой?

Я не люблю, когда люди на меня кричат. Я от этого пугаюсь, потому что они могут ударить меня или ко мне притронуться. И я не знал, что мне делать дальше.

— Отпусти собаку! — кричала она. — Ради Христа, отпусти эту гребаную собаку.

Я положил собаку на землю и отступил на два метра.

Она наклонилась. Я подумал, что миссис Ширз хочет взять собаку сама, но она этого не сделала. Может быть, она заметила, что на теле слишком много крови, и побоялась испачкаться. Потом миссис Ширз снова принялась кричать.

Я закрыл уши руками, зажмурил глаза и стал клониться вперед, пока не согнулся так, что лоб коснулся травы. Трава была холодной и влажной. И мне сразу сделалось лучше.

7

Это детектив про убийство.

Шивон сказала, что я должен написать такую книгу, которую стал бы читать сам. Я в основном читаю разные научные книги, например по математике. Я не люблю выдуманных романов. В них люди говорят всякие вещи, вроде: «Я испещрен прожилками железа, серебра и полосами обыкновенной грязи. Я не могу сжаться в кулак, как те, кто не зависит от стимуляторов»¹. Что это должно означать? Я не знаю. И отец не знает. И Шивон тоже не знает. И мистер Дживонс. Я их спрашивал.

У Шивон длинные светлые волосы, и она ходит в очках, которые сделаны из зеленого пластика. А мистер Дживонс пахнет мылом и носит ботинки, на каждом из которых сверху примерно по 60 крошечных дырочек.

Но детективы мне нравятся. Так что я пишу детектив.

В детективе кто-нибудь проводит расследование и выявляет преступника, чтобы его можно было поймать. Там есть загадка. Если загадка загадана

¹ Эту книгу я видел в городской библиотеке, когда мать однажды водила меня с собой в город.

хорошо, то можно самому вычислить ответ еще прежде, чем закончится книжка.

Шивон сказала, что книга должна начаться с яркого эпизода, который сразу привлечет внимание. Вот почему я начал с собаки. Я выбрал событие, которое случилось со мной, поскольку я не могу представить того, чего со мной на самом деле не происходило.

Шивон прочла первую страницу и сказала, что у меня все не так. Она сказала, что в детективах обычно убивают людей. Я ей ответил, что в «Собаке Баскервилей» погибли целых две собаки: сама собака Баскервилей и спаниель Джеймса Мортимера. Но Шивон мне на это ответила, что они не были жертвами преступления. Жертвой был сэр Чарльз Баскервиль. Она сказала, что так происходит, поскольку читателей люди интересуют больше, чем собаки. То есть, если в книге умрет человек, это скорее привлечет внимание тех, кто будет ее читать.

А я объяснил, что хотел написать правдивую историю. Я знал разных людей, которые сейчас уже умерли, но я никогда не был знаком ни с кем, кто погиб, за исключением разве что мистера Паулсона, отца Эдварда из нашей школы. Но это было не преступление, а несчастный случай, да и потом, я его почти не знал... И еще я объяснил, что люблю собак, потому что они преданные и честные, и некоторые собаки умнее и интереснее, чем многие люди. Например, Стива, который приходит в школу по четвергам, приходится кормить с ложечки, и он даже неспособен принести палку. Шивон попросила меня не говорить ничего такого матери Стива...

11

А потом приехала полиция. У них была униформа и значки, и было ясно, зачем они здесь. Их было двое: женщина-полицейский и мужчина-полицейский. У полицейской женщины на левой лодыжке была небольшая дырка в колготках, а посреди этой дырки — красная царапина. А у мужчины-полицейского к подошве ботинка прилип большой оранжевый лист; он торчал с одной стороны и немного топорщился.

Полицейская женщина обняла миссис Ширз за плечи и повела ее к дому.

Я оторвал голову от травы.

Полицейский мужчина присел на корточки рядом со мной и сказал:

— Не будешь ли ты так любезен объяснить, что тут произошло, молодой человек?

Я сел. И ответил:

— Собака умерла.

— Это я понял, — отозвался он.

Я сказал:

— Я думаю, что собаку кто-то убил.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

Я ответил:

— Мне 15 лет, 3 месяца и 2 дня.

— А что именно ты делал в саду? — спросил он

— Я взял собаку на руки и так держал, — сказала я.

— А зачем ты держал собаку? — спросил он.

Это был сложный вопрос. Я это сделал потому, что мне так хотелось. Я люблю собак. И мне стало очень грустно, когда я понял, что собака умерла.

Полицейских я тоже люблю, и поэтому я хотел объяснить все как можно точнее, но полисмен не дал мне достаточно времени, чтобы обдумать ответ.

— Так почему ты держал собаку? — повторил он.

— Мне нравятся собаки, — сказал я.

— Это ты ее убил? — спросил он.

А я сказал:

— Нет. Я не убивал.

— Это твои вилы? — спросил он.

Я сказал:

— Нет.

— Кажется, тебя все это очень расстроило, да? — сказал он.

Полицейский задавал слишком много вопросов. И он это делал слишком быстро. Мне это показалось похожим на буханки хлеба с фабрики, где работает дядя Терри. Эта фабрика — такая большая пекарня, а дядя Терри оперирует хлеборезкой. И иногда так бывает, что хлеборезка работает недостаточно быстро, а хлеб продолжает поступать, и получается закупорка. Я иногда представляю свой разум в виде машины, хотя это не обязательно хлеборезка. Но так проще объяснить другим, что со мной происходит.

Полицейский мужчина сказал:

— Ну? Что тут приключилось?..

Я отвернулся от него и снова упал лицом в траву. А потом издал звук, который отец называет стенаниями. Этот звук у меня вырывается, когда из внешнего мира приходит слишком много информации разом. Так бывает, например, когда я огорчаюсь. Тогда я подхожу к радиоприемнику и ставлю

его на промежуточный канал между двумя станциями. Из него начинает вырываться шипение. Если сильно отвернуть громкость, то, кроме него, ничего не слышно. И когда я его слушаю, я чувствую себя в безопасности...

...Тем временем полицейский взял меня под локоть и поднял на ноги.

А я не люблю, когда люди ко мне прикасаются. И потому я его ударил.

13

Моя книга не будет смешной. Я не могу рассказывать шутки, потому что я их не понимаю. Вот шутка, например. Одна из отцовских.

Хорошее дело браком не назовут.

Я знаю: предполагается, что это смешно. Я спрашивал. Это потому, что слово «брак» имеет два значения: 1) брак — это женитьба и семейная жизнь; 2) брак — это плохая работа и ее результат, то есть негодные вещи. И кажется, что речь идет о значении 1, а на самом деле — о значении 2.

Если я пытаюсь произнести шутку сам, заставляя слово обозначать две разные вещи в одно и то же время, мне начинает казаться, что я слышу две разные мелодии, которые не сочетаются друг с другом и совсем не так хороши, как белый шум. Или у меня возникает чувство, что два разных человека пытаются одновременно говорить со мной на две разные темы.

Вот почему в этой книге нет никаких шуток.

Полицейский посмотрел на меня. Некоторое время он молчал, а потом сказал:

— Я арестую тебя за нападение на полицейского.

И мне стало гораздо спокойнее, поскольку он сказал то, что полицейские обыкновенно говорят на телевидении и в кино.

Потом он еще сказал:

— И действительно тебе советую лезть в машину, потому что, если ты, дерьменыш, еще что-нибудь выкинешь, я окончательно потеряю терпение. Это понятно?

Я пошел к полицейской машине, стоявшей перед калиткой. Он открыл заднюю дверь, и я забрался внутрь. А он сел на водительское сиденье и связался по радию с полицейской женщиной, которая все еще была в доме. И сказал:

— Этот клоп только что двинул мне в морду, Кейт. Ты можешь побыть у миссис Ш., пока я отвезу его в участок? Я скажу Тони, чтобы он заехал и подобрал тебя.

А она ответила:

— Не вопрос. Увидимся позже.

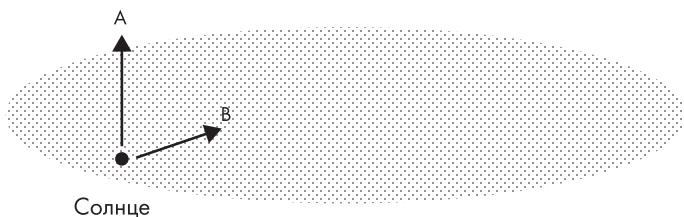
Полисмен сказал:

— Лады. — И мы поехали.

В полицейской машине пахло горячей пластмассой, лосьоном для бритья и чипсами.

Пока мы ехали к центру, я смотрел в небо. Ночь была ясная, и потому я отчетливо видел Млечный Путь.

Некоторые люди думают, что Млечный Путь — это просто длинная вереница звезд, но они не правы. Наша Галактика представляет собой огромный диск размером в 100 000 световых лет, а Солнечная система находится где-то неподалеку от его наружного края.

Когда вы посмотрите в направлении А под углом 90° к диску, вы увидите совсем немного звезд. Но если вы глянете в направлении В, то звезд будет гораздо больше, потому что вы смотрите в центр Галактики. А так как Галактика — диск, то вам видно длинную полосу звезд.

И потом я задумался о том, что ученые долгое время недоумевали, почему небо по ночам темное. Ведь там, во Вселенной, находятся миллиарды звезд. Звезды есть повсюду, куда бы вы ни посмотрели, во всех направлениях. Так что небо должно быть озарено звездным светом, поскольку свет движется очень быстро и рано или поздно должен достигнуть Земли. И мало что может остановить его движение.

Но потом ученые выяснили, что наша Вселенная постоянно расширяется и звезды отдаляются друг от друга. Это явление называется Большой взрыв,